

м а с т е р   к р и м и н а л ь н ы х   т а й н

Чингиз АБДУЛЛАЕВ

**Факир на все
времена**

**МОСКВА
2023**

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Факир на все времена / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Абдуллаев. Мастер криминальных тайн).

ISBN 978-5-04-190127-1

Преуспевающий российский бизнесмен убит в отеле на турецком побережье Черного моря. Никто из тех, кто был в этот вечер в гостях у погибшего, на роль убийцы не подходит, к тому же у всех – железное алиби.

Эксперт-аналитик Дронго невольно вовлечен в расследование, и именно он обнаружил следы убийцы. Но следы – это еще не сам преступник, тот где-то рядом и хладнокровно продолжает свою охоту. Дронго почти загнал убийцу в ловушку. Но в последний момент преступнику удается ускользнуть буквально на глазах всей оперативной группы. И тем не менее Дронго знает: их встреча неизбежна...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-190127-1

С религиозными фанатиками он будет трижды фанатиком. С монархистами трижды монархистом. С оппозиционерами? Ничего, он сумеет быть и оппозиционером. Если же его махинациями заинтересуется правящая партия или какие-нибудь чиновники, то он и тогда не растеряется. Ведь не могли же унести в могилу его отец и дед весь свой арсенал лжи? Оставили немного и на его долю. Он заявит, к примеру, что действует так умышленно, чтобы лучше узнать истинные замыслы фанатиков, оппозиционеров и монархистов. Как-нибудь он всегда выкрутится.

Орхан Кемаль. «Мошенник»

Легче всего быть прохвостом. Не связывать себя никакими моральными и нравственными обязательствами, не обращать внимания на укоры своей совести и поступать во всех случаях так, как подсказывают собственные эгоизм или жадность.

*Али Эфенди.
«Мой исчезнувший мир»*

Пролог

За три месяца до описываемых событий.

Скорый поезд на Севастополь отходил с Киевского вокзала ровно в десять часов тридцать три минуты по местному времени. По вокзалу уже объявили, что семнадцатый скорый отой-

дет точно в срок. До отъезда оставалось около двадцати минут, когда на перроне появился носильщик с тележкой и тремя большими чемоданами. Достаточно было взглянуть на эти чемоданы, чтобы понять, насколько богат их владелец. Они были в коричневых логотипах самой узнаваемой французской фирмы чемоданов, которые позволяют себе покупать известные спортсмены, звезды шоу-бизнеса и очень богатые люди. Очевидно, сорокалетний мужчина, идущий за тележкой, относился именно к третьей категории названных лиц. Незнакомец был не один. Рядом с ним шагали несколько высоких мужчин с характерными бритыми затылками и крепкими мускулами. Несмотря на майскую жаркую погоду, все были одеты в темные костюмы. Не составляло особого труда догадаться, что они являлись телохранителями состоятельного владельца дорогих чемоданов. Следом за тележкой носильщика они дошли до вагона СВ, где один из носильщиков предъявил четыре билета в третье и четвертое купе. Проводник, бегло просмотрев билеты, согласно кивнул головой, и первым в вагон поднялся один из телохранителей. Он осмотрел пустое купе, остался доволен увиденным и разрешил носильщику вносить чемоданы. Затем там оказался второй телохани-

тель. Когда все чемоданы были внесены в вагон, двое телохранителей остались на перроне перед вагоном, чтобы проводить поезд, а владелец багажа поднялся в вагон к уже находившимся там охранникам.

Александр Викторович Костиков был обычным «средним» миллионером, которые появились в Москве в середине девяностых. Его состояние оценивалось в семьдесят два миллиона долларов. Он владел двумя хорошими квартирами в Москве, очень неплохой дачей в Юрмале, большим подмосковным участком с двухэтажным строением. Костиков был акционером известной фирмы, занимавшейся поставками никеля в Европу и Америку. Он создавал свой капитал в те тревожные годы, когда каждого второго бизнесмена убивали, каждого третьего обманывали, а каждый четвертый разорялся. Чтобы сделать себе состояние в то время, мало было быть просто умным и деловым человеком. Требовалось обладать некоторой толикой везения, иметь нужные связи, умело уходить от прессинга бандитов, налоговых и таможенных служб, избавляться от опеки правоохранительных органов, которые так любили «крышевать» бизнесменов и договариваться с местными чиновниками. Не всем это удавалось, но выживали

самые умелые и пронырливые. Костиков и был таким умелым и пронырливым бизнесменом, который сумел ухватить судьбу за «хвост», заложив основу своего состояния в девяностые годы. В новом веке такие люди уже «заслуженно» пользовались дивидендами.

Он развелся со своей первой супругой еще в девяносто седьмом, со второй, подающей надежды актрисой, уже в две тысячи четвертом. Первая показалась ему недостаточно «стильной» и молодой для его бизнеса. Вторая была слишком «стильной» и молодой, предпочитая тратить деньги своего мужа в таких количествах, что от его многомиллионного состояния в скором времени могло ничего не остаться. И если с первой женой он тихо развелся, послав дочь учиться в Англию, то развод со второй был шумным и скандальным. Ему пришлось выплатить этой стерве три миллиона долларов и подарить московскую квартиру, чтобы она наконец раз и навсегда забыла о своем бывшем супруге.

Теперь он наслаждался относительной свободой. У Костикова была еще одна небольшая странность. Он панически боялся самолетов. Он их просто ненавидел. В тот момент, когда лайнер отрывался от земли, у него начиналась истерика. Не помогали никакие лекарства. Он

просто не мог себя пересилить. Предпочитая ездить по всей Европе на поездах, Костиков уже несколько лет не появлялся в аэропортах, чтобы даже не смотреть в сторону самолетов. Его давно приглашали в Крым, где компаньоны приобрели большую виллу бывшего крупного партийного чиновника всеукраинского масштаба. Костикова так долго и убежденно уговаривали, что он наконец согласился туда приехать. Для этого его секретарь заказала сразу четыре билета в два купе в спальном вагоне скорого поезда. В первом купе должен был разместиться сам Александр Викторович, а во втором — двое сопровождавших его телохранителей.

В Европу он ездил на специальном поезде, который курсировал между Москвой и Берлином. В состав входил так называемый вагон «бизнес-класса». Это были четыре просторных купе со своими туалетными комнатами и двухспальными кроватями. Костиков обычно заказывал два купе, а во втором размещался кто-нибудь из его телохранителей.

Они уже вошли в вагон, когда метрах в пятидесяти от них, рядом с пожилым пенсионером, одетым в потертый костюм с орденскими нашивками и выцветшую беретку, остановился

мужчина средних лет в форме летчика гражданской авиации.

— Ты их видел? — спросил «летчик». — Я уже сообщил Ольге, чтобы она подходила к нашему вагону.

— Будьте осторожнее, — посоветовал «ветеран», отворачиваясь и разговаривая, практически не открывая рта, чтобы его ответ невозможно было прочесть даже с большого расстояния, — у него двое телохранителей. Очевидно, «птица большого полета».

— Оле они никогда не мешали, — усмехнулся «летчик». — Ты будешь в соседнем вагоне?

— Как обычно. И скажи, чтобы она не торопилась. Пусть подождет, пока проедут границу.

— Скажу. Еще что-нибудь?

— Их трое на два купе. Значит, в своем купе он будет один. Я сейчас позвоню Алексею, пусть пробьет фамилию этого типа через нашу базу данных. Может, мы его знаем. Если бизнесмен, то все нормально. Если чиновник или еще хуже — какой-нибудь дипломат, то тогда Ольга ходит на первой станции. Все понял?

— Конечно. Не впервые...

«Ветеран» быстро отошел от своего собеседника, направляясь к другому вагону. Через несколько минут на перроне появилась молодая

женщина с маленьким мопсом. Она была одета в белый брючный костюм, так выгодно подчеркивающий прелести ее статной фигуры, и большую шляпу, закрывавшую половину лица. За ней несли сразу четыре больших чемодана. И еще одна дородная дама двигалась следом за ней. Носильщики, чертыхаясь, вносили чемоданы в вагон. Заинтересовавшийся Костиков выглянул в коридор. Незнакомка, проходя мимо него, подняла голову и, осмотрев своего возможного соседа, любезно улыбнулась. Он обрадовался. Кажется, она будет в соседнем купе. Небольшое дорожное приключение только скрасит его путь. Носильщики вносили чемоданы.

— Что у вас там, дамочка? — вздохнул один из них. — Такие тяжелые.

— Это мои личные вещи, — громко ответила молодая женщина. — Несите два других чемодана и не задавайте глупых вопросов.

Ей было не больше тридцати. Великолепная фигура, небольшая грудь. Костикову никогда не нравились большегрудые женщины. Голубые глаза, приятный овал лица, тонкий носик. Она была блондинкой, из-под шляпки выбивались локоны ее волос.

Костиков мрачно взглянул на полную женщину, протискивающуюся мимо его купе. Если

она поедет с очаровательной незнакомкой, то на дорожную интригу лучше не рассчитывать. Эта дама может оказаться старшей сестрой, матерью или свекровью первой незнакомки. На всякий случай нужно все выяснить. Он показал на соседнее купе одному из своих охранников, и тот кивнул, понимая все без лишних слов, и поспешил к проводнику.

Полная дама прошла в соседнее купе и достаточно громко начала прощаться с Еленой Константиновной. Эти слова подняли настроение Костикову. Очаровательная соседка, прощаясь со своим мопсом, уговаривала собачку выпить воды. Но мопс тихо тявкал, очевидно, не слушаясь хозяйки. Все закончилось тем, что он вырвался из рук и выскочил в коридор. Хозяйка поспешила за ним, пытаясь его поймать. Собачка, увернувшись, засемила в другой конец вагона. Второй телохранитель, увидев взгляд Костикова, бросился за собачкой, пытаясь ее остановить. Это удалось ему лишь с третьей попытки. При этом мопс все равно старался вырваться. Торжествуя, охранник принес собачку и передал ее самому Костикову, который любезно отдал собачку хозяйке. Она забрала свое животное, поблагодарив Костикова. Затем долго це-

ловала собачку, передавая ее дородной даме, очевидно, своей домохозяйке.

Первый охранник подошел к Александру Викторовичу.

— Она будет в соседнем купе. Одна, — пояснил он. — Нам проводник сказал, что она купила оба места. Елена Щербак.

— Молодец, — кивнул Костиков, — оперативно сработал.

В другой конец вагона входил высокий мужчина в форме летчика гражданской авиации. Его соседом был мужчина азиатской наружности лет шестидесяти. Он вежливо здоровался со всеми, проходя по коридору.

Еще через несколько минут состав наконец тронулся. Костиков вернулся в свое купе. Закрыл дверь, чтобы переодеться. В коридоре еще чувствовался аромат парфюма его соседки. Интересно, чем она занимается? Нужно будет с ней познакомиться поближе. В конце концов, он холостой человек и имеет законное право на небольшую интрижку.

Надев спортивный костюм и тапочки, он вышел в коридор. Один из его телохранителей дежурил в коридоре, другой был в купе. Костиков взглянул на соседнее купе, в котором находилась его очаровательная соседка. Дверь была

заперта. Если она не откроет двери, то он не сможет с ней познакомиться. В крайнем случае можно будет попросить проводника предложить ей чай или свежие газеты. На границе их все равно разбудят пограничники и таможенники. На российско-украинской границе уже традиционно много лет проверки шли по несколько часов, словно стороны соревновались, кто больше изучает пассажиров.

Костиков вернулся в купе. Посмотрел на себя в зеркало. Мужчина в расцвете своего среднего возраста. И никакого кризиса у него нет. Дочь в Великобритании, обе бывших жены как-то устроены, сестра с мужем живут в Эстонии и имеют паспорт, позволяющий им передвигаться по странам Европы без визы. Все устроено, все нормально. У него две любовницы в Москве, с которыми он иногда ужинает или встречается. Но наученный горьким опытом своей второй женитьбы, держит их на некотором расстоянии. Никаких особо дорогих подарков, никаких квартир и роскошных кабриолетов. Одной он подарил «Тойоту», другой — «Ниссан», и обе вполне довольны.

Он тоже доволен своей независимостью и своим положением. В его сорок семь лет все складывается как нельзя лучше. Остается толь-

ко наслаждаться жизнью и тратить проценты со своего основного капитала. Костиков усмехнулся. В начале девяностых они вчетвером создали кооператив по продаже компьютеров. Где они теперь, его бывшие компаньоны? Один покончил с собой после дефолта девяносто восьмого, когда понял, что долги превышают все его возможности. Другой полез в криминальные разборки, и его застрелили в девяносто шестом в Питере. Третий просто спился и разорился. Говорят, что он продал свою квартиру, ушел из семьи и живет где-то на окраине города. Получалось, что из четверых бывших друзей повезло только Костикову. Он улыбнулся. Человеку всегда бывает приятно осознание своей удачи и своего преимущества перед другими людьми. Особенное удовольствие ему доставляют неудачи собственных компаньонов или близких знакомых, ведь все могло сложиться совсем иначе. А может, он просто подсознательно верил в некий закон «сохранения энергии», по которому везение не могло быть спутником каждого. Чтобы где-то прибавилось, где-то должно убавиться. Возможно, неудачные судьбы его компаньонов были запрограммированы на удачах самого Костикова.

Он не мог даже предполагать, что в этот мо-

мент запершаяся в своем купе незнакомка терпеливо ждала звонка «ветерана», который должен был сообщить ей более подробные сведения о бизнесмене, находившемся в соседнем купе. Если бы информация оказалась негативной или «ветеран» решил бы, что дамочке не следует знакомиться с Костиковым, то уже на следующей станции она бы вышла из поезда, имитировав внезапный звонок брата или острый приступ аппендицита.

Через сорок минут «ветеран» получил полные сведения на Александра Викторовича Костикова. Еще через несколько минут он позвонил очаровательной незнакомке и разрешил ей открыть дверь. Волна от аромата ее приятного парфюма снова прокатилась по всему вагону, когда она открыла дверь. Костиков подумал, что это судьба. Он поспешил выйти в коридор.

Костикову и в голову не приходило смотреть в другую сторону, где у окна находился «летчик» гражданской авиации, глядевший на мелькавшие за стеклом станции и незаметно следивший за реакцией самого Александра Викторовича.

Очаровательная незнакомка появилась через несколько минут. Она вышла в коридор, взглянула на Костикова, осматривая его с голо-

вы до ног, и, очевидно, осталась довольна проведенным осмотром.

— У меня тоже есть две собаки, — пояснил Костиков, чтобы начать разговор, — золотистый ретривер и миттельшнауцер. И я каждый раз скучаю, когда оставляю их одних на даче.

— Я вас понимаю, — улыбнулась в ответ незнакомка, — у меня каждый раз сердце разрывается, когда я думаю, что мой мопсик остался без своей «мамочки». А почему у вас собаки остаются одни? На даче никто не живет?

— Там есть охранники и прислуга. Но никого из родных, — пояснил Александр Викторович, — я разведен, а моя взрослая дочь уже давно учится и живет в Англии.

— Значит, мы примерно в одинаковом положении, — обрадовалась она, — я тоже разведена. И мой сын тоже в Лондоне. И мне приходится оставлять свою собаку на домохозяйку.

Начало разговора было многообещающим. Они беседовали еще минут двадцать, пока незнакомка не пригласила Костикова к себе.

Александр Викторович, уже не раздумывая, прошел в ее купе. Потом они долго беседовали, вспоминали общих знакомых по Москве. Елена Константиновна Щербак оказалась хозяйкой

нескольких спа-салонов, один из которых посещал и сам Костиков.

Через два часа они отправились в вагон-ресторан. Один из телохранителей принес бутылку хорошего французского вина. Сразу четыре такие бутылки Костиков вез в Крым для своих друзей. Каждая бутылка стоила целое состояние. Это был «Бордо Медок» пятьдесят шестого года. Вино оказалось приятным и терпким на вкус. После обеда они пили кофе с коньяком. Поезд подошел к границе, когда они вернулись в свой вагон.

Незнакомка нравилась Костикову все больше и больше. Он уже успел дать ей визитную карточку и пообещать продолжение знакомства в Москве. После того как их состав прошел государственную границу, он пригласил очаровательную соседку в свое купе.

— Я боюсь за свои чемоданы, — мило улыбнулась очаровательная соседка, — говорят, что после границы в вагонах появляются различные мошенники и воры.

— Ничего страшного, — успокоил ее Костиков, — один из моих охранников все равно будет дежурить в коридоре до утра. Он проследит и за вашим купе. Не беспокойтесь.

Он позвонил к себе телохранителя.

— У нее там четыре чемодана, — напомнил Костиков, — посмотри, чтобы они не пропали. И проследи, чтобы нам не мешали.

Охранник понимающе кивнул головой. Потом незнакомка прошла в купе Костикова, и тот закрыл дверь, доставая бутылку коньяка. Они пили на брудершафт, много смеялись и много говорили. Костикову все больше и больше нравилась эта молодая женщина. На вид ей было не больше тридцати. Он уже собирался приступить к следующей стадии обольщения, когда неожиданно почувствовал, что его клонит в сон. Он попытался сконцентрироваться, но не сумел даже произнести несколько слов. Через некоторое время он просто заснул, положив голову на подушку.

Проснулся Костиков уже утром, когда один из охранников достаточно грубо пытался разбудить его и сильно тряс за плечо.

— В чем дело? — недовольно спросил Александр Викторович. — Что случилось?

— Вы заснули, — немного виновато пояснил охранник. — А где ваши чемоданы?

Костиков посмотрел туда, где были сложены его чемоданы. И его кейс, в котором были деньги и документы. Он нахмурился. Ни чемо-

данов, ни кейса нигде нет. Было довольно прохладно, окно в купе приоткрыто.

— Что здесь произошло? — тяжело спросил он, отрывая голову от подушки. Голова была тяжелой и сильно болела.

— Она украла все ваши вещи, — с ужасом произнес его телохранитель.

— Как это украла? — попытался усмехнуться Костиков. — А вы где были?

— Мы были в коридоре, — пояснил телохранитель, — но оттуда никто не выходил.

— Может, ты отлучался в туалет? — предположил Александр Викторович.

— Нет. Я бы разбудил моего напарника. Я никуда не отходил, — настаивал охранник.

— Тогда непонятно, — нахмурился Костиков. Он с трудом поднялся, опираясь на руку своего телохранителя. Голова непривычно гудела.

— Выходит, она выбросила мои вещи в окно и выпрыгнула следом за ними? — невесело спросил Александр Викторович. — Прямо какая-то супервумен. А может, ты отправился спать и меня просто обокрали?

— Я никуда не уходил, — пробормотал охранник.

— Ладно, — поморщился Костиков, — сейчас проверим.

Он вышел в коридор, взглянул на закрытую дверь соседнего купе. Потрогал закрытую дверь.

— Позови проводника, чтобы он открыл нам ее двери, — приказал Костиков.

Телохранилитель бросился выполнять его указание. Из другого купе вышел второй охранник.

— Стой здесь, — строго посоветовал ему Костиков.

Проводник появился быстро. Первый охранник уже сообщил ему об исчезнувшем багаже босса. Проводник открыл дверь. В соседнем купе находились четыре больших чемодана.

— Вот видите, — недовольно сказал Александр Викторович, — моя соседка не причастна к исчезновению моих чемоданов. Глупо оставлять четыре своих, чтобы забрать два моих. И я знаю, как ее найти, ведь она хозяйка известных спа-салонов.

— Давайте проверим ее вещи, — предложил более прагматичный проводник.

— Сейчас посмотрим, — тяжело дыша, произнес первый охранник. Он достал один чемодан и начал его открывать. Замок долго не поддавался, пока охранник, выругавшись, просто не сломал его. Крышка чемодана открылась.

У всех присутствующих мужчин вытянулись лица. Чемодан был заполнен собраниями сочинений Брежнева и Суслова.

— Неужели она читает всю эту муру? — поморщился телохранитель.

— Не читает, — зло пояснил Костиков, — конечно, она ничего не читает. Книги нужны были для того, чтобы заполнить эти чемоданы. Я уверен, что в остальных чемоданах та же макулатура. Она нас просто здорово наколола. Мы думали, что с такими тяжелыми чемоданами и своей собачкой она просто никуда не денется. А она нас всех провела. Напоила меня клофелином, открыла окно и передала оттуда все мои вещи своему возможному сообщнику на одной из станций. А потом вылезла и сама. Вот такая умница. А мы все дураки. Нужно позвонить в банк и заблокировать мои кредитные карточки. Хотя я думаю, что они наверняка успели оттуда все снять.

— Я вызову милицию, — заявил проводник.

— Вызывай, — согласился Костиков, — так мне и нужно. Решил позабавиться с незнакомкой. И нарвался на аферистку. Век живи, век учись. Может, на книгах остались ее отпечатки пальцев? Но, судя по размаху этой дамочки, отпечатков она наверняка нигде не оставила.

— А ее салоны? — напомнил охранник.

— Она такая же Елена Щербак, как я римский папа, — огрызнулся Александр Викторович, — и такая же владелица салонов. Все это было хорошо продуманной игрой, умело спланированным мошенничеством.

Он грустно усмехнулся. Его волновали не столько пропавшие вещи, кредитные карточки или документы. Было обидно, что его так элементарно провели. Он всегда считал себя достаточно проницательным и умным человеком. А здесь так глупо подставился. Костиков взглянул на увесистые тома собрания сочинений Леонида Брежнева и криво усмехнулся.

— Смешно, — сказал он, — очень смешно.

В другом конце вагона из купе вышел «летчик», который собирался курить в тамбуре. Он прошел мимо купе Костикова, увидев хозяина чемоданов, его растерянных охранников и заметно волновавшегося проводника. И, ничего не спросив, двинулся дальше. Откуда им было знать, что он и был тем самым сообщником, который принимал эти чемоданы несколько часов назад, помогая вытаскивать их из купе Костикова.

Глава 1

Эти места были центром цивилизации две с половиной тысячи лет назад. Из истории древних веков известно, что в эти времена наибольшего расцвета достигли греческие государства, когда Рим был еще небольшим городом, а Карфаген только отстраивался. Однако греческие города находились не только в самой Греции. Кроме Афин, Спарты, Коринфа, самые известные греческие центры располагались на противоположном берегу, в Малой Азии. Города Милет, Эфес, Пергам, Смирна, ставшая много столетий спустя Измиром, даже легендарная Троя и Галикарнас были на другой стороне Эгейского моря. Здесь же сосредотачивалось и большинство из «Семи чудес света». Галикарнасский мавзолей, Родосский колосс, храм Артемиды в Эфесе считались чудесами света еще в те далекие времена. Затем тут появились римляне, на месте небольшого Византия появился Константинополь, который стал центром Восточной Римской империи и просуществовал пол-

торы тысячи лет, а впоследствии явился центром огромной Османской империи и был назван Истанбулом. В Средние века это побережье пришло в некоторый упадок, а на месте роскошного Галикарнаса возник рыбацкий поселок Бодрум. Казалось, что слава и былое величие уже навсегда покинули эти места. Но в конце двадцатого века в Турции начался туристический бум, многократно усилившийся после распада Варшавского восточного блока.

Прежние курорты Болгарии и Румынии пришли в запустение, в этих странах начались экономические и политические неурядицы, распался Советский Союз, и на его месте возникли пятнадцать независимых государств, миллионы граждан которых хлынули в Турцию за дешевым сырьем и ширпотребом. Турция проводила мудрую политику. Она открыла границы для миллионов «челночников» и туристов. За счет этих гостей страна начала бурно развиваться. Несмотря на террористические вылазки экстремистов, постоянные опасности военных переворотов, дикую инфляцию в начале девяностых, экономические неурядицы, Турция сумела не только стать центром европейского туризма, но и привлечь в свою страну миллиарды долларов инвестиций и миллионы новых туристов. Все побережье Эгейского моря превратилось в один

сплошной туристический аттракцион. На побережье Средиземного моря отели возникали как грибы после дождя. Строились виллы и дома, которые продавались и сдавались по смешным для европейцев ценам.

В бывшем рыбацком поселке Бодруме, где не было даже приличной трехзвездочной гостиницы еще тридцать лет назад, появилось более пятидесяти отелей, из которых почти четвертая часть считались отелями высшей категории. Учитывая, что в окрестностях Бодрума отсутствовали промышленные предприятия, а причудливая линия приморского побережья была изрезана живописными бухтами и заливами, район действительно представлял собой идеальное место для отдыха. Сухой воздух, теплое прозрачное море, роскошные отели, в которых работали десятки бывших граждан Советского Союза почти из всех союзных республик, придавали этому месту особое очарование и делали его привлекательным для многочисленных туристов, в том числе и из Западной Европы.

Отель «Принцесса Ресорт де люкс» был построен на южном побережье полуострова с использованием особенностей местного ландшафта. Кроме самого отеля, растянутого по побережью, здесь построили несколько вилл на небольшом

полуострове, соединенном с территорией отеля перешейком. В результате получалась идеальная бухта для гостей отеля. Пятизвездочный отель вмещал около тысячи гостей. При этом отель работал по принципу «все включено де люкс», то есть все гости могли пользоваться шестиразовым питанием, пить столько напитков, сколько захотят, включая алкоголь, и даже бесплатно посещать четыре ресторана, раскинувшихся на территории отеля, не считая большого ресторана, где четырежды в день сервировались столы для всех желающих.

Жанна Гринько впервые в жизни прилетела в Турцию на отдых. Ее соблазнила отправиться на курорт школьная подруга, которая уже несколько раз ездила в эту страну и возвращалась загоревшая, отдохнувшая и полная впечатлений. Алевтина Павленко была супругой депутата Верховной рады, одно время даже проработавшего в аппарате Кабинета министров руководителем отдела при прежнем правительстве. Он тогда очень помог подруге своей жены получить место старшего следователя в транспортной прокуратуре. Хотя Жанна работала в этой системе уже четырнадцать лет, попав на работу в прокуратуру еще в начале девяностых, когда зарплаты являлись просто нищенскими, и чест-

ным сотрудникам приходилось с трудом сводить концы с концами. Характер у Жанны был независимым и сложным. Может, поэтому начальство не всегда любило своего строптивного сотрудника, но ценило ее деловые качества. На счету следователя Гринько было не одно успешно завершённое дело.

За четырнадцать лет Жанна Гринько дослужилась до звания советника юстиции, что соответствовало званию подполковника. Ее карьера обещала быть достаточно удачной, и в руководстве не скрывали, что считают ее реальным кандидатом на должность прокурора отдела. Но личная жизнь Жанны не складывалась. Сказывались ее сложная работа, постоянные дежурства, общение не с самыми лучшими представителями мужского пола. По своему характеру Жанна принадлежала к людям, которые всегда видят в людях негативные стороны. Но если для следователя это не самое худшее качество, то для личной жизни такие убеждения не способствовали улучшению ее отношений с противоположным полом. У нее случались мимолетные романы, дважды Жанна пыталась завязать серьезные отношения. Но в первом случае ее избранник оказался слишком мелким и ничтожным карьеристом, а во втором — просто сбежал,

не выдержав ее постоянного давления. Это случилось восемь лет назад.

Сейчас ей было тридцать семь. На нее обращали внимание мужчины. Подтянутая, стройная, самозабвенно занимавшаяся спортом (она была мастером спорта по дзюдо), Жанна сохраняла стройную фигуру никогда не рожавшей женщины. Короткая стрижка темных волос, светлые глаза, характерные скулы — ее можно было даже назвать красивой женщиной. Лишь со зрением у нее были некоторые проблемы — сказывались бессонные ночи, проведенные за оформлением материалов, передаваемых в суд. У нее было уже «минус три», но очки ее не портили, наоборот, придавали всему облику некую законченность и более интеллигентный вид. В последние годы она встречалась с художником, который был на пятнадцать лет ее старше. Они познакомились случайно, на какой-то выставке. Им было достаточно интересно друг с другом. Но впервые они близко сошлись только через полтора года после знакомства. Нельзя сказать, что они были влюблены друг в друга. Им было просто приятно проводить время вместе.

Встречались они обычно один или два раза в месяц. Для обоих эти интимные встречи являлись некой отдушиной в жизни. Он не пытался

сделать ей предложение, считая, что не имеет права заставлять молодую женщину связывать свою судьбу с не очень известным и не очень удачливым художником. А ей не позволяла говорить об этом гордость. Да она и не хотела замуж — слишком много ненужных проблем и забот могло на нее обрушиться. Хотя иногда понимала, что жизнь уходит, а ей необходимо что-то решать. Женщины на пороге сорокалетия как-то особенно остро чувствуют свой возраст. С точки зрения мужчины, сорокалетний рубеж — лишь время для подведения некоторых итогов и период новых надежд. С точки зрения женщины — это некая критическая черта, за которой явственно просматривается уже не такая далекая старость.

Природа сама решила за женщину, что она может стать матерью лишь до определенных лет. Возможно, с точки зрения физиологии это оправданно, пожилая мать не в состоянии вырастить свое потомство. Но есть какое-то неравенство в том, что репродуктивная функция женщины завершается в сорок пять лет, тогда как мужчина сохраняет эти функции до преклонного возраста.

В этом году Жанна решила дать себя уговорить своей подруге и отправиться вместе с ней

на отдых в Турцию. Алевтине нужна была напарница для поездки на отдых. Муж категорически отказывался отпускать ее одну, ведь раньше она ездила с его младшей сестрой. Но та уехала на работу со своим мужем в Германию и не могла составить компанию Алевтине. Путевка была очень дорогой, однако Алевтина уверяла, что этот отдых они запомнят надолго. Пришлось заплатить в туристическом агентстве часть суммы, которую Жанна откладывала на новый автомобиль. И купить себе путевку на турецкий курорт в Бодруме, в пятизвездочный отель «Принцесса Ресорт де люкс». Из Киева они прилетели в Стамбул, а оттуда уже местными авиалиниями добрались до Бодрума, где в аэропорту их ждала заказанная машина.

Алевтина была счастлива. Она словно сбросила с себя сразу десять или пятнадцать лет. Уже в Стамбуле она переделалась в очень откровенное платье, которое скорее напоминало рваное парео, чем нормальную одежду, и не скрывало ни цвета, ни фасона ее нижнего белья. Алевтина словно отрешалась от своей киевской жизни, мужа, двух детей, которых оставила на бабушку, и теперь готова была наслаждаться курортными впечатлениями.

Жанна не совсем понимала, как можно от-

дышать в одиночку, будучи замужем и имея детей. Ей казалось нормальным отправиться с мужем и двумя детьми, чтобы отдохнуть всем вместе. Своими сомнениями она поделилась с подругой. Но Алевтина только рассмеялась.

— Это называется отдых, — напомнила она, — отдых от моей нудной работы, от моей семьи, от всех забот. Я имею право, хотя работаю только в статистическом управлении, а не старшим следователем, как ты. Вместе с семьей я не могу полностью расслабиться. Вот выйдешь замуж, родишь детей и сразу начнешь меня понимать. Будешь использовать любую возможность, чтобы выскочить из дома хотя бы на один день.

Жанна не стала спорить. В Бодруме их привезли в отель, в котором был заказан двухместный номер. Уже в холле отеля их приветствовал портье на хорошем русском языке. Все программы и предложения тоже были на русском. Жанна решила сразу их перечитать, но тут Алевтина толкнула ее в бок.

— Посмотри, — зашептала она, — посмотри, кто здесь отдыхает.

Мимо них прошел известный российский художник Никас Сафронов, который, очевидно, жил в этом отеле.

— Мне он не нравится, — ответила Жанна, снова опуская голову.

— Ты с ума сошла! — возмутилась Алевтина. — Это сегодня один из самых известных художников в Москве. И еще говорят, что он большой ценитель женского общества. Как можно говорить о человеке, когда ты его совсем не знаешь!

— Я не имела в виду его лично. Мне не нравится его стиль живописи. Такой современный лубок.

— Много ты понимаешь. Это ты у нас современный лубок. И совсем несовременная женщина. Ты хотя бы сейчас поняла, куда именно я тебя привезла? Здесь у тебя будет столько мужиков, сколько ты захочешь. Только шевельни пальцем.

— Не хочу я ничем шевелить, — равнодушно ответила Жанна, — пойдем смотреть наш номер.

Номер оказался светлым и просторным, с видом на море. Алевтина вышла на балкон, радостно разводя руки в стороны.

— Свобода, — выдохнула она, — свобода и отдых.

Жанна вышла следом.

— Ты ведешь себя как маленькая девочка, —

упрекнула она подругу, — а тебе уже тридцать восемь.

— Тридцать семь. Я твоя ровесница, — поправила ее Алевтина.

— Тридцать восемь, — упрямо возразила Жанна, — ты на год меня старше. Я пошла в школу с шести лет.

— Твое правдолюбие тебя погубит, — улыбнулась Алевтина. В этот первый день ничто не могло испортить ее настроения. Впереди были две недели долгожданного отдыха.

— Выбирай себе кровать и давай быстрее переодеваться. Пойдем искупаемся в море, пока еще светло, — предложила Алевтина.

— Прямо сейчас?

— Конечно. А чего ждать, — Алевтина начала стаскивать с себя платье, еще стоя на балконе.

Когда они надели купальные костюмы, Алевтина прыснула от смеха.

— Что у тебя за купальник? — изумилась она. — Такие закрытые купальники носили лет тридцать назад. Кто сейчас ходит в таких костюмах на пляж?

— Нормальный купальник. Я купила его в прошлом году в Харькове, — пожалала плечами Жанна.

На самой Алевтине был купальный костюм,

который только условно можно было назвать купальником. Это были скорее две тонкие полоски. Внизу и наверху.

— Сейчас в Европе уже все загорают топлес, вообще без верхней части, — пояснила Алевтина, — а ты как монашка.

— Здесь не Европа, — мрачно ответила Жанна, понимавшая, что ее подруга права, — здесь мусульманская страна. И мы в Азии.

— Пошли, — скорбно вздохнула Алевтина, — сейчас увидишь, какая здесь Азия. Заодно посмотришь и на купальные костюмы. Ничего страшного. У меня с собой их три. Один я могу отдать тебе.

Жанна усмехнулась. Ее подруга была слишком хорошего мнения о своей фигуре. Алевтина весила далеко за шестьдесят, и ее крупные формы выдавали в ней ее возраст. Жанна весила килограммов на пятнадцать меньше, и ей никак не могли подойти купальные костюмы школьной подруги. Они бы просто свалились с ее тела.

Вдвоем они отправились на пляж. Жанна вынуждена была признать, что ее подруга была права. Повсюду говорили по-русски и по-немецки. Было много гостей из республик бывшего Советского Союза. Женщины щеголяли в еще более откровенных купальниках, чем даже

пляжный костюм ее подруги. Но одна появилась на пляже, одетая весьма странно. На ней были брюки, заправленные в какие-то тапочки, сверху длинное платье с рукавами, надетый на голову капюшон, связанный с платьем. Женщина оглянулась по сторонам и пошла в море купаться.

— Кто это? — удивилась Жанна. — Почему в таком виде?

— Ты должна была приехать с ней, — рассмеелась Алевтина, — это женщина из Ирана. Она купается только в таком виде.

— У каждой культуры свои порядки и свои традиции, — отвернулась Жанна.

Через полчаса они возвращались обратно в свой корпус. Впереди показались двое мужчин.

— Посмотри, — толкнула ее в бок Алевтина, — это, наверное, наши. Или из России.

— Нет, — уверенно ответила Жанна, — это иностранцы.

Мужчины поравнялись с ними. Они держались за руки и улыбались друг другу. На повороте они остановились и поцеловались.

— Только этого не хватало, — вздохнула Алевтина, — не понимаю я этих любителей однополый любви. Вокруг столько красивых женщин...

— Это тоже новые нравы, — усмехнулась Жанна.

— Подожди. А как ты узнала, что они гомосексуалисты?

— Я этого не знала. Я сказала, что они иностранцы.

— Ну хорошо, иностранцы. Как ты узнала, что они иностранцы? Они же были в одних плавках.

— Я же следовательно, — пояснила Жанна, — значит, должна обращать внимание на некоторые детали.

— Они были в плавках, — продолжала настаивать Алевтина. — Какие детали?

— Ты разве сама не заметила? Все наши приехавшие туристы ходили сегодня на пляже в узких, обтягивающих треугольных плавках, из которых выпирают все их достоинства. А все иностранные мужчины были в длинных плавках, напоминающих удлиненные шорты до колен. Сразу бросается в глаза разница.

— Я даже не обращала внимания, — расхохоталась Алевтина, — ну ты настоящий следователь. Такая глазастая.

Они даже не могли предполагать, что именно произойдет на этом курорте и какие приключения ждут их впереди...

Глава 2

На этот раз Дронго пригласил в Турцию давний знакомый, у которого была вилла рядом с Бодрумом. Могрул Сагиров, которого все называли Моби, долгие годы работал экспертом Международного комитета ООН в Швейцарии. Согласно его статусу, у него был международный паспорт. В Москве его знали как одного из основателей Сигарного клуба, расположенного недалеко от Кремля. Моби был человеком достаточно интересным, увлекающимся. Он загорелся идеей восстановить виллу семьи Нобелей в Баку, где они проживали до революции. Немногие люди в мире знали, что основное состояние Нобелей, сделавших себе первоначальный капитал на динамите и взрывчатых веществах, принесла бакинская нефть, которую они успешно добывали вместе с Ротшильдами и Рокфеллерами еще в конце девятнадцатого века.

Даже получавшие Нобелевские премии лауреаты не подозревали о связях этой семьи с далеким Баку, со столицей Азербайджана, где во времена нефтяного бума конца девятнадцатого века появились вилла Нобелей, их дома, общестия для рабочих, столовые, школы.

Моби успешно отреставрировал запущенное здание, превратив его в своеобразный музей но-

белевской семьи и даже умудрившись открыть там небольшой ресторан для своих знакомых и друзей, что придавало всему проекту некий изысканный облик. Впрочем, он всегда умел удивительно точно сочетать коммерчески успешные проекты с культурной «начинкой», когда и в Москве в рамках Сигарного клуба был открыт ресторан с хорошей кухней, а в Баку, недалеко от легендарной Девичьей башни, — Мугам-клуб, в котором действительно выступали певцы и актеры, проводились творческие вечера поэтов, писателей, композиторов и функционировал очень неплохой ресторан.

Следующим замыслом Моби было создание фильма о семье Нобелей, оставивших такой след в истории Баку и бакинской нефтедобычи. У него было много грандиозных планов. И ему очень повезло в жизни. Он был женат на прекрасной женщине, разделявшей все его увлечения и замыслы, влюбленной в культуру и литературу своего народа и поддерживающей мужа в его начинаниях.

Дронго согласился прилететь в Бодрум на несколько дней, чтобы навестить друзей на их вилле. Однако он категорически отказывался оставаться у них, предпочитая ночевать в отеле. Может быть, эта дурная привычка осталась еще

с молодых времен, когда он вернулся из своей первой командировки в Индонезию. Может быть, он привычно не мог выносить даже малейшего ограничения своей свободы. Достаточно легко было узнать, что рядом с Бодрумом открылся и функционирует отель «Кемпински», являвшийся гостиницей самой знаменитой немецкой сети отелей. Если раньше Дронго предпочитал американские «Хилтоны» и «Шератоны», то со временем многие из них превратились в стандартные номера, уже не отвечавшие представлениям о комфорте в пятизвездочных отелях. «Хилтон» начал экономить на мойке полотенец, предупреждая гостей о вреде частой стирки, при которой употребляются вредные стиральные порошки. А вместо шампуней и гелей, упакованных в красивые футляры, начал выставлять похожие на шприцы упаковки, которые гости не могли забирать с собой даже в качестве сувениров. Но они не могли ими и пользоваться, так как жидкость из этих «шприцов» вытекала, как только оказывалась в горизонтальном положении.

«Кемпински» все еще сохранял свою марку в Европе и в мире, полностью соответствуя представлению придирчивых туристов о настоящем комфорте в хорошем пятизвездочном отеле. По-

этому, заказав себе номер, Дронго прилетел в Бодрум вечером в пятницу, чтобы немного отдохнуть и в воскресенье навестить своих друзей на вилле.

Отель оказался выше всяких похвал. Электрические кары отвозили гостей к собственному пляжу. Потрясающая кухня под руководством итальянского шеф-повара Никколо Лекки могла удовлетворить вкус любого гурмана. В отеле было тихо и спокойно, несмотря на август месяц. Сам отель был построен в виде корабля, несущегося в море, и почти все номера спроектированы таким образом, чтобы гости как можно реже видели друг друга. Достаточно сказать, что к разным номерам на различных этажах вели свои лифты.

Дронго подумал, что следующим летом сюда нужно будет прилететь вместе с Джил и детьми — настолько ему понравилась расслабляющая атмосфера отеля и воздух в этих местах. Днем он спустился в библиотеку, расположенную на один уровень выше центрального ресторана. Библиотека была на семьдесят процентов укомплектована книгами на русском языке. При этом никого из обслуживающего персонала в библиотеке не было. Вы могли забрать любую книгу или десять книг и по своему желанию

вернуть их, когда хотите. Или не вернуть вообще, оставив себе понравившееся издание.

Он с удовольствием выбрал несколько книг, которые не сумел купить в магазинах Москвы, чтобы вечером просмотреть у себя в номере. И услышал громкий голос у себя за спиной:

— Где еще можно найти такого знаменитого эксперта, как ты? Конечно, только в библиотеке!

Дронго обернулся. Он сразу узнал этот голос. Генерал Павел Анатольевич Татаренко был его давним и хорошим знакомым. Высокого роста, светлоглазый, светловолосый, широкоплечий, генерал до сих пор нравился женщинам, хотя на протяжении всей жизни сохранял верность своей супруге. Генерал работал в Министерстве внутренних дел Украины еще с восьмидесятых годов и был одним из тех профессионалов, на которых всегда держалась сама система органов внутренних дел. Такие люди, как Татаренко, приходили на работу в милицию по призыванию и оставались в ней до пенсии. Они искренне верили в некие идеалы, которые умудрялись пронести через всю жизнь, несмотря на сложности и испытания нелегкой службы. Татаренко начал работу в уголовном розыске ровно двадцать семь лет назад. И быстро выдвинулся, став заместителем, а затем и начальни-

ком уголовного розыска. Он никогда не был «добреньким» и мог заехать нахамившему ему уголовнику по морде, что, безусловно, являлось нарушением закона. Он мог жестко отдать приказ не брать живым подонка, осмелившегося резать его сотрудника, отца двух малолетних девочек. Но он был справедливым, а в блатном мире таких профессионалов уважают. Он никогда не подставлял своих агентов ради дешевой славы или сиюминутной выгоды, никогда не сдавал своих осведомителей, держал слово и не брал деньги у уголовников. Словом, это был тот самый правильный «мент», которые иногда встречаются в природе, несмотря на все изменения последних лет.

И хотя с высоким начальством Татаренко не умел ладить и приспосабливаться, но генерала он заслуженно получил в свои сорок семь лет, став одним из руководителей управления уголовного розыска Украины. Они были знакомы с Дронго уже много лет, и оба ценили друг в друге профессионализм и порядочность, столь редко встречающиеся в наше время качества.

— Добрый день, товарищ генерал, — повернулся к нему Дронго, обнимая своего друга, — как у тебя дела? Каким образом ты оказался здесь?

— Случайно, — улыбнулся Татаренко, — приехал с супругой на одну неделю отдохнуть в «Принцессу». Это такой отель на другой стороне полуострова. Огромных размеров, и там масса народу. Такое ощущение, что туда приезжают только гости из стран СНГ. Везде говорят только по-русски. Причем все. И наши хохлы, и ваши кавказцы, и даже представители Средней Азии.

— Удобно, — согласился Дронго, — есть язык, на котором можно общаться и который все понимают. А что ты делаешь здесь?

— Я же говорю, что случайно. У моей супруги нестандартная фигура, — зашептал Татаренко, — и все купальники ей оказались не очень по размеру. И она приехала сюда, чтобы выбрать себе новый. Нам посоветовал портье. Он хорошо говорит по-русски. Парень не знал, что моя благоверная знает их язык. Очень удивился. Но сказал, что здесь самый лучший магазин. Хотя там такие цены! Просто зверские. Раз в сто дороже, чем у нас в «Принцессе».

— Правильно, — кивнул Дронго, — здесь вообще бутик с такими дикими ценами. Но зато вещи самые лучшие. Где твоя супруга? Пойдем, я хотя бы с ней поздороваюсь.

— Не сейчас, — сделал большие глаза Тата-

ренко, — иначе она будет стесняться. Пусть выберет себе купальный костюм, а мы потом к ней подойдем.

Генерал выбрал себе супругу, еще когда учился с ней в школе. Они сели за одну парту в пятом классе и с тех пор никогда не расставались друг с другом. И если в идеальную гармонию между людьми невозможно поверить, то это был как раз тот случай, когда гармония была почти близка к идеалу. В этом есть какая-то невероятная загадка, когда люди знакомятся еще в школьном возрасте, а затем проносят свои чувства через десятилетия, через студенческие годы, через молодые увлечения, через кризисы среднего возраста и остаются вместе на всю жизнь. А может, чувство любви просто существует, и оно из детской привязанности перерастает в чувство единого целого со своим партнером?

У Павла Анатольевича и его супруги были уже взрослые дети и внуки. У сына родилась дочь, а у дочери — сын. И теперь супруги Татаренко были не только счастливыми родителями, но и еще более счастливыми дедушкой и бабушкой.

— А ты каким образом здесь оказался? — поинтересовался Татаренко.

— Приехал к друзьям, — пояснил Дронго, —

у них здесь рядом вилла. Они пригласили меня к себе на выходные. Но я не хочу их стеснять. Поеду к ним в воскресенье. А пока решил снять номер в этом отеле.

— Ты у нас всегда был буржуем с замашками гнилого аристократа, — пробормотал, улыбаясь, Татаренко, — хотя я читаю лекции для наших молодых офицеров по твоим расследованиям. Честное слово. У нас все наши выпускники знают, кто такой Дронго.

— Поэтому, появляясь на Украине, я скрываю эту кличку, — усмехнулся Дронго, — ты создал мне ненужную популярность.

— Это ты сам создал, — возразил Татаренко, — своими расследованиями. Между прочим, завтра ты свободен? Завтра суббота?

— Наверное, да. А почему ты спрашиваешь?

— Меня пригласил к себе в гости начальник полиции области. Господин Джемал Азиз. Или, как они говорят, глава полиции «вилаята». Так, кажется, звучит по-турецки. Мне жена все время говорит, что у азербайджанцев и турков почти одинаковый язык. Ты ведь знаешь, что она у нас филолог, специалист по тюркской литературе.

— Правильно говорит. Почти одинаковый. А откуда он тебя знает?

— Он раньше работал в их Министерстве внутренних дел в Анкаре. И приезжал к нам дважды с делегациями. Вот тогда мы и подружались. Молодой симпатичный парень. Ему нет еще и сорока. Но такой настоящий западник и либерал. Нынешнюю правящую религиозную партию на дух не переносит. Считает, что они отходят от традиций основателя республики Ататюрка. Кстати, забыл сказать самое важное. Он учился четыре года в США. И прекрасно говорит по-английски.

— У них в руководстве армии и спецслужб все такие «западники», — пояснил Дронго, — между прочим, в их Конституции указано, что армия является гарантом светского развития государства. Поэтому армия уже четырежды совершала перевороты, каждый раз подправляя слишком радикальных политиков. Между прочим, сам Ататюрк был ярким сторонником западного пути развития. Запретил исламские суды, старую одежду, вмешательство религиозных деятелей в светскую жизнь, даже поменял алфавит с арабского на латинский. И гордился тем, что в столице Анкаре есть только две мечети.

— Был светским человеком, — улыбнулся Татаренко, — он же был генералом, значит, был смелым и честным человеком.

— Тут я с тобой не соглашусь. Ты действительно считаешь, что все генералы автоматически смелые и честные люди?

— Нет, — помрачнел Павел Анатольевич, — к сожалению, не все. Ох, как ты прав. Даже не знаешь, как ты прав. Иногда встречается такая мразь, такая дрянь! Думаешь, как же он мог дослужиться до такого высокого звания. Неужели все предыдущие годы был таким же подлецом? Лгал, подличал, обманывал своих коллег, был законченным негодяем. Я понимаю, конечно, что не все наши коллеги — ангелы, понимаю, что работа трудная, каждый день имеешь дело с человеческой подлостью, с отбросами общества. И сам невольно становишься похожим на них. Но все равно есть какая-то черта, которую невозможно переступить. предавать своих сотрудников, сдавать своих людей, обманывать товарищей, зарабатывать деньги на чужой крови.

— Похоже, у тебя проблемы...

— У нас у всех проблемы. Ты же знаешь, что творится у нас в стране последние несколько лет. Одно дело Гонгадзе чего стоило! Такой позор на весь мир. Мы ведь знали, кто и почему отрезал ему голову. И кто приказ об этом отдавал. Все знали. Я ведь сам из Днепропетровска. Для меня Кучма был таким человеком. Почти